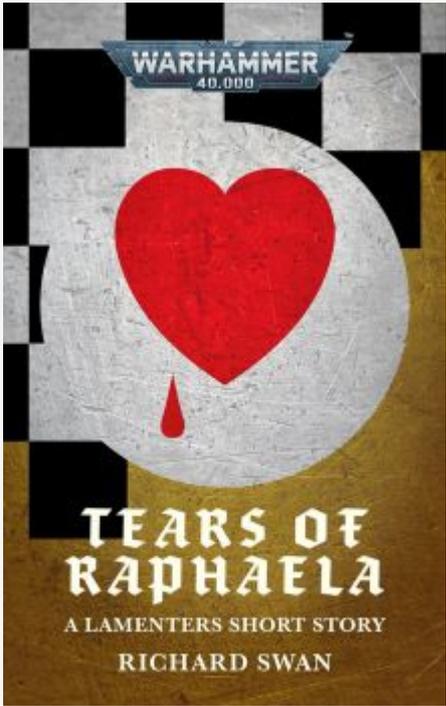

Слёзы Рафаэлы / Tears of Raphaela (рассказ)

WARPFROG Гильдия Переводчиков Warhammer <i>Слёзы Рафаэлы / Tears of Raphaela</i> (рассказ)	
	
Автор	Ричард Суон / Richard Swan
Переводчик	Luminor
Издательство	Black Library
Год издания	2024
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Город Паллада умирал.

Он превратился в разлагающийся труп. Его жители растворились, став мерзостной слизью. Фундаменты из скалобетона погрузились в размягчившуюся землю, поскольку биоформатические вирусы отравили все органические соединения города, стремясь их переработать и превратить в питательную жидкость — все до последней капли.

Привлечённый звуками далёкой болтерной стрельбы, брат Раметос в стремительном темпе продвигался

по населённым призраками улицам. Приглушённый шум работы сервоприводов его брони типа «Фобос» был не более чем шёпотом чуждого ветра. В прежние времена Паллада славилась как истинная жемчужина безмятного южного континента Рафаэлы, столь далёкая от отравленной груды камня, которую являла собой планетарная столица Элинор-Вектра. Паллада была «городом-садом», обителью широких, изысканных бульваров, просторных белых домов с терракотовыми крышами, дендрариев, водных садов и общественных парков.

Теперь же кругом раскинулась одна лишь перепаханная почва, изрытая и разорванная бесчисленными когтями и копытами. Она выглядела так, словно одна из гигантских монозадачных сельскохозяйственных машин, вроде исполинского комбайна или молотилки из деревенского захолустья, снесла это место бульдозерным отвалом, всосала землю и всё, что на ней было, измельчила, разделила на составляющие и распылила мякину на своём пути.

Воздух пропитался газами и спорами, притом настолько густыми, что хамелеолиновый плащ Раметоса превратился в болезненное, пропитанное ядами полотно зелёных и жёлтых оттенков. Оптика визора непрерывно выдавала предупреждения о загрязнённости воздуха. Два дня назад фильтр шлема предупредил астартес о непереносимом уровне токсичности. Теперь же космодесантник полностью полагался на внутренние запасы кислорода своего боевого облачения.

Воздух был густым, словно суп, и зловеще горячим. В безветренные дни видимость без технических ухищрений местами падала до двадцати ярдов^[1]. В то утро быстро движущиеся атмосферные пары наполнили облака статической энергией, и небеса взорвались ужасающей силы грозой. Последующая буря в сочетании с едким ливнем смыли остатки города, образовав обширные зловонные болота, а также смрадные реки из человеческих останков и чужацкой материи. Эти импровизированные водоёмы уже кишели свежей мутантской жизнью.

Раметосу требовались высота и скорость. Много времени на поиски не потребовалось: его взору открылся остов жилого блока из серого скалобетона, хотя задняя часть строения обрушилась там, где его основание превратилось в жидкий раствор. То, что дом вообще сумел сохранить вертикальное положение, было связано с наличием дюжины колючих выступов, огромных хитиновых шипов, толстых, как древесные стволы, и крепких, словно железо. Насколько глубоко ушли корни этих инопланетных щупалец? Удастся ли их раскопать в своё время? Сможет ли вообще Рафаэла когда-нибудь избавиться от ксенозаражения?

Раметос двигался быстро, тихо и умело. На пути ему встречались лишь израненные и хромые биоформы, ожидавшие смерти и последующей за этим ассимиляции. Тираниды были необычайно талантливы в деле безжалостного выкачивания и преобразования ресурсов — настолько, что Империиум не мог и мечтать достичь тех же высот. Плакальщик избегал тех, кого мог, и аккуратно истреблял тех, встречи с которыми было не избежать, отсекая головы молниеносными взмахами боевого ножа или же давя инопланетную мразь саботонами. Ему предстояла охота на более крупную дичь.

Звуки боя вдали всё ещё были слабыми, но мало-помалу их громкость нарастала. Астартес вновь попытался связаться с собратьями по воксу, затем расширил диапазон передач и на другие имперские силы — южнее, насколько он знал, находился всё ещё державшийся плацдарм Астра Милитарум — однако у него ничего не получилось. Никакого ответа, кроме статики и случайных призрачных обрывков прежних сообщений. Вот уже несколько дней в воксе царило безмолвие. Он знал, что двое других бойцов отделения Завиана мертвы, но что насчёт остальных ударных сил Плакальщиков, высадившихся на планету? Узнать это не представлялось возможным.

Последняя мысль погрузила разум космодесантника во власть глубокой меланхолии, генетического проклятья его ордена, как только Раметос бросился внутрь высотного здания. Пускай его доспехи «Фобос» были освобождены от лишней амуниции, это не помешало ему провалиться практически по колено в отвратительную почву. Из гниющего болота наружу хлынули потоки мерзкой жижи.

Тел здесь было разбросано в большом изобилии. Среди гор трупов сотен гаунтов в разной степени сохранности тут и там мелькали тела десятков солдат Астра Милитарум, над которыми нависли ржавеющие стволы огневых точек тяжёлых орудий. Здесь же находилось и тело погибшего при обороне сержанта штурмового отделения Вольтурно^[2]. Кровь Раметоса вскипела, когда меланхолия разлилась по его членам. Ни один ветеран Эридайнского Потока^[3] не должен был погибнуть здесь, да ещё и таким вот образом — от лап бездумной ксеномерзости.

Они дорого продали свои жизни, и в урочный час Раметос будет их оплакивать.

Астартес быстро промчался по лестницам наверх, пока не достиг верхнего этажа. Над разбитым скалобетоном открывалось серое небо, по которому ветер нёс высотные споры и другие биоформы врага. Плакальщик сунул пистолет в кобуру, убрал нож в ножны и выхватил из-за плеча снайперскую болтвинтовку, поднеся прицел к правому глазу.

Свою цель он отыскал весьма быстро.

Крылатый тиранид-прайм был поистине ужасающим существом — ключевым элементом громадного роя порабощённых синаптическим контролем созданий, что бродили по городу. Некоторые из них летали, большинство же занималось хлопотной работой по сбору органических останков и уничтожению выживших имперцев. Эти второстепенные биоформы — потрошители, гаунты всех типов, горгульи — действовали с бычьим упорством и такой же тупостью, будучи, по сути, всего лишь продолжением своего командующего, немногим большим, чем подёргивающиеся и пульсирующие внешние нейроны. Прайм же был слеплен из иного теста. Эта тварь обладала разумом и неукротимым, неумолимым коварством.

Поскольку связь у брата Раметоса не работала, как и у большей части населения города, ему оставалось лишь в бессильном гневе проклинать чужаков, убивавших последних из его боевых братьев в этой части Паллады, ставшей жертвой всепожирающего голода роя. Он видел, как мерцает болтерный огонь, как снаряды рассекают массу тварей и выскакивают из их тел, подобно пробивающейся через облака молнии, кромсая и взрывая дюжины гаунтов, но создаваемые ими просеки в рядах чужаков были чересчур малы, чтобы остановить целую орду. Самого прайма, казалось, практически не беспокоила горстка маленьких человеческих воинов в жёлтых керамитовых оболочках; он спускал на них своих бесчисленных рабов с чем-то на грани безразличия. Раметос выругался себе под нос — схватка уже приближалась к своему кровавому финалу. Если бы он мог подстрелить прайма, это погрузило бы весь рой в состояние безумия и, быть может, сохранило жизнь нескольким его братьям, не говоря уже о влиянии на более широкомасштабные усилия Империиума по всему континенту.

Для этого монстра потребуется один из боеприпасов типа «Палач». Таковых у него ещё оставалось несколько штук. Быстрыми, точными и умелыми движениями он зарядил одним из них свою снайперскую винтовку и прицелился. Раметосу не требовалось ничего, что можно было бы использовать в качестве опоры; при необходимости сам его доспех мог застыть совершенно неподвижно, уподобляясь статуе.

— Давай же, — выдохнул Плакальщик, желая, чтобы биоформы разлетелись в разные стороны и

предоставили ему возможность выстрелить. Даже при наличии механизма самонаведения не было смысла стрелять «Палачом» по такой густой массе тел — риск того, что снаряд взорвётся при столкновении с какой-нибудь незначительной тварью, был слишком велик.

— Давай, чтоб тебя, — снова проворчал он, следя за удаляющимся от Плакальщиков праймом. Он ненавидел тварь — ненавидел, и это чувство было полностью оправданным и справедливым — однако вовсе не ярость была его основной мотивацией. Никогда. Космодесантником двигало горе. Его щёки стали мокрыми от слёз — настоящих, в отличие от татуировки в виде алой слезы под левым глазом. Чем старше он становился, тем сильнее на него воздействовала эта тёмная меланхолия. Теперь он мог пребывать в её тисках неделями, его настрой оставался мрачным, а чувство безнадёжности почти что физическим грузом тянуло бойца вниз. Недуг его ордена, недуг космических масштабов, записанный в генах и среди звёзд, пронизывал его до основания. Он пропитал слова клятвы момента Плакальщика — прикончить этого прайма — столь же ощутимо, как слёзы — пенистую подкладку его шлема. Раметос убьёт его не из ненависти, но из скорби.

Прайм расправил крылья внезапным и удивительно изящным движением. Он приготовился улететь, когда внезапный огненный шквал — невероятная последняя попытка уцелевших заступников расправиться с тварью перед собственной верной гибелью — разорвал эти огромные кожистые паруса, продырявив их в десятках мест. Прайм издал оглушительный рёв ярости из-за этой прощальной несправедливости, только теперь вступив в уже свершившийся бой. Монстр на пробу взмахнул крыльями — один, два, три раза — но громадные дыры в его коже пропускали воздух, и он не мог поднять свою тушу с земли.

Раметос выпрямился и быстро произнёс клятву момента.

— Отдыхайте, братья, — тихо прошептал он. — Ваше покаяние завершено. Те из нас, кто останутся, понесут грехи и шрамы нашего ордена во имя вас. Кровь Бадаба будет прощена. Я оплакиваю...

Движение с правой стороны.

Слишком поздно. Три хормагаунта, спущенные с синаптического поводка и в связи с этим полностью обезумевшие, врезались в него сбоку, зацепив снайперскую винтовку. Раметос выругался, потеряв равновесие. Громадные органические косы, острые, словно моноволоконная проволока, пронзали и царапали его броню «Фобос».

Плакальщик развернулся и нырнул влево; один из гаунтов врезался в дальнюю стену. Затем он ударил кулаком прямо в шею другой твари и впечатал её в стену, но при этом случайно задел кислотные железы. Мерзкая жидкость тут же начала шипеть на его латной перчатке, на дисплее шлема вспыхнули предупреждающие значки. В такой атмосфере он просто не мог позволить кому-то повредить свой доспех.

Один готов, остались ещё двое. Астартес выхватил из кобуры болт-пистолет, но коготь гаунта разрубил оружие надвое.

— Во имя... — прорычал Раметос, отбрасывая бесполезный кусок металла в сторону. Он выхватил боевой нож и уклонился от одного, двух, трёх ударов врага с левой стороны. Затем полоснул ножом, не разрезав ничего, кроме воздуха, но последующий удар — неуклюжее, необдуманное движение — разбил твари челюсть. Она завизжала, рухнув на пол, и попыталась незаметно уползти, пока её враг был занят боем.

Глаза третьего и последнего гаунта закатились, словно у туповатой птицы, когда он оценивал ситуацию

и огромное жёлтое чудовище, стоявшее у него на пути. Через полсекунды тварь набросилась на врага, но в одиночку ей было не справиться с Адептус Астартес.

Хотя совсем неподалёку их всё ещё оставалось не меньше сотни. В стенах Паллады Раметос сталкивался с подобным раскладом уже не раз.

Он с лёгкостью вонзил клинок в морду зверя. Мозг гаунта был уничтожен, из раны хлынул огромный фонтан крови. Тварь умерла мгновенно, повиснув на вытянутой руке Раметоса, словно пальто на вешалке. Он с отвращением отбросил труп, а затем расправился с пытавшейся улизнуть раненой биоформой, наступив ей на шею. Вес брони сделал всё остальное.

Плакальщику потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что к зданию не приближаются новые твари, а затем он осторожно вернулся к тому самому месту, где на полу валялась его снайперская винтовка.

— Кровь Бадаба, — сердито процедил Раметос. Магазин со всем содержимым оказался уничтожен в рукопашной схватке, когда его зацепил один из когтей-кос хормагаунта. Сам корпус оружия тоже оказался погнут и деформирован. Плакальщик осмотрел пару снарядов типа «Палач» внутри магазина — увы, они пришли в негодность и деформировались вместе с магазином. Попытайся он выстрелить — «Палачи», скорее всего, взорвутся.

Раметос швырнул магазин на землю и очень осторожно потянул рукоятку затвора, после чего выдохнул с облегчением. Один из снарядов всё-таки оставался в его распоряжении. К сожалению, он был последним. Астартес извлёк «Палача» из винтовки, чтобы убедиться, не поцарапали ли его ненароком когти пришельца. По счастью, всё обошлось, да и сама винтовка оказалась вполне пригодной для стрельбы.

Нельзя было терять времени. Кровь в жилах космодесантника бурлила, он зарядил снаряд и прильнул к прицелу.

Но прайм и его орда уже исчезли.

Возможность была упущена.

Раметос вновь нёсся сквозь ставшую городом мёртвых Палладу. Теперь он находился южнее, приблизительно там, куда ушли прайм и его орда. В беднейшей части города. Исчезли роскошные загородные резиденции лордов Элинор-Вектры, широкие общественные парки и водные сады, а также красивые мощёные бульвары. Все до единого здания в этом районе представляли собой сугубо функциональные блочные жилые дома, возвышающиеся над землёй на тридцать-сорок этажей и соседствующие с огромной десятиполосной эстакадой.

Мертвецов здесь было ещё больше: несколько Плакальщиков, несколько Белых Пантер, одинокий терминатор Кровавых Ангелов и ещё тысячи бойцов Астра Милитарум. Все они с пугающей скоростью разлагались в грязи. На перекрёстке нескольких дорог лежала груда из двух десятков закованных в броню лошадей, сквозь защитные глазные решётки на их мордах были видны копошащиеся внутри личинкоподобные инопланетные черви.

Раметос двигался быстро, но с известной осторожностью, держа перед собой нож. Теперь, пока не будет найдено что-нибудь на замену, клинок оставался его единственным оружием. С несколькими гаунтами и более крупными биоформами он ещё мог справиться. Но достаточно будет столкновения с единственным

тиранидским воином, чтобы всё закончилось. Последний «Палач» Раметоса оставался подготовленным специально для прайма. В этом он поклялся, а значит, так и будет.

Наступали сумерки, и воздух вновь сгустился от гнилостных чужацких газов. Впереди оптика шлема Раметоса уловила очертания древнего баальского «Хищника» Плакальщиков, практически полностью погребённого под громадной кучей почерневших от пламени гаунтов. Огненное inferно, сотворённое основным и вспомогательным вооружением танка, было настолько могучим, что вся масса тел тварей спеклась воедино, образовав подобие огромного куска стекловидного углерода. Однако ксеносы были бесконечны и не знали жалости; удачный выстрел ядовитой пушки пробил дыру в боковой бронепластине танка. Даже если экипаж не погиб от отравленного биоснаряда, то последовавшая за ним лавина гаунтов наверняка довершила дело.

Раметос собирался идти дальше, когда его наушник внезапно ожил. Слабая передача на короткой дистанции исходила из массы трупов ксеносов вокруг «Хищника».

Плакальщик двигался быстро и бесшумно, рисунок его хамелеолинового плаща смещался и менялся, сливая его фигуру с кучей чужацких тел. Скривившись от отвращения, он погрузил обе руки в хрустящую, трескучую массу обгоревших мертвецов. Это напоминало погружение в туннель из кучи разбитого стекла и мясного фарша. В конце концов он перебрал достаточно отвратительных трупов, чтобы обнаружить заступника из Третьей покаянной роты.

— Брат Даган, — резко произнёс Раметос, узнав опознавательные знаки отделения Аристана. Он вытащил заступника из мерзкой массы тиранидов, скрипя напряжёнными сервоприводами. Покрытый кровью ксеносов, со спёкшимися внутренностями тварей, забившими каждую щель его брони, Даган медленно и мучительно поднялся. Из его живота, там, где бронепластины были сегментированными, чтобы дать возможность владельцу сгибать живот, торчали три увесистых когтя.

— Благодарю, — отозвался Даган хриплым голосом.

Раметос взял его за плечи и осмотрел шлем собрата.

— Затворы повреждены?

— Да.

Раметос оглядел окружающий воздух и небеса высоко над головой. Облака стремительно проносились по синюшному небу, подгоняемые высотным ветром. Но здесь, рядом с поверхностью, концентрация ядов достигала критических значений.

— Долго ты в этом не протянешь, — заметил он в конце концов.

— Тогда нам лучше поторопиться.

Раметос поморщился.

— Один момент.

Он нырнул внутрь «Хищника». Ядовитая пушка сделала своё чёрное дело. Раметос не мог не почувствовать прикосновения коварных щупалец меланхолии при виде новых погибших братьев. Численность их ордена понемногу восстанавливалась, особенно после завершения Искупительного крестового похода и пополнения за счёт примарисов. Однако некоторые из погибших на Рафаэле

перворождённых были ветеранами Коринфа^[4]. Некоторые — ветеранами Бадаба. Такие люди были незаменимы. Даже утрата такой почтенной старой машины, как этот «Хищник», которого холили и лелеяли на протяжении веков, стала сокрушительным ударом для старой гвардии ордена. Пускай сам Раметос и был примарисом, его генотип нёс в себе муки пяти тысячелетий.

На этот раз ему повезло: стойка с оружием оказалась открыта, но не повреждена. Открыв зажимы, Раметос вытащил две болт-винтовки модели «Коул» и протянул одну из них ожидавшему снаружи Дагану.

— Я слышал стрельбу на севере, — сообщил тот.

— Космодесантники сражаются с крылатым праймом. Впрочем, благодаря работе Второй крылья едва ли понадобятся ему впредь.

— Нашей Второй? Или Пантер?

— Плакальщиков.

— Они мертвы?

— Убиты, да. Я пытался снять прайма самостоятельно, но на меня напали.

Даган хмыкнул.

— Нам едва ли под силу выполнить подобное вдвоём.

Раметос умолк на какое-то время.

— Ты не можешь их удалить? — в конце концов сказал он, кивнув на засевшие в животе Дагана когти.

Его собрат по ордену вздохнул и при этом закашлялся, отдающий жестью звук вырвался из вокс-передатчика повреждённого шлема. Лёгкие Дагана хрипели от слизи.

— Боюсь, они крепко вцепились мне во внутренности.

— Идти можешь?

— Скоро узнаем.

— А драться?

— Палец, чтобы жать на спуск, ещё при мне.

Раметос ещё раз огляделся по сторонам.

— Прайм всё так же остаётся моей добычей. В той мере, в какой у нашего врага хватает ума и воли создавать командиров, здесь и сейчас эта тварь является лидером. Её смерть приведёт к распаду орды в Палладе.

Даган устало кивнул.

— Что насчёт статуса остальных ударных сил?

— Я не знаю. Мои братья из отделения Завиана убиты — как и ещё минимум полдюжины из покаянной

роты. Связь не работает уже два дня.

— Это мне известно. — В голосе брата звучала печаль. Даган был столь же подвержен меланхолии, как и сам Раметос.

Они двинулись в путь, проверяя каждый закоулок и каждую щёлочку на предмет наличия отставших ксеносов. Далёкий горизонт буквально кишел тварями. Между ними простиралась громадная металлическая эстакада, удерживаемая на массивных скалобетонных опорах.

— Здесь. Будем держаться юго-запада. Используй здания в качестве укрытия. Нам нужно двигаться настолько быстро, насколько тебе хватит сил.

— Эксперт здесь ты, — ответил Даган.

Они выслеживали орду всю ночь. Раметос постоянно менял различные термооптические спектры, пытаясь увидеть хоть что-нибудь сквозь густой гнилостный туман. Братья двигались медленно, но без остановок, хотя было ясно, что Даган испытывает при этом сильный дискомфорт. Тем не менее, он не стал вынимать оторванных ногтей из своих кишок. Орган Ларрамана сможет поддерживать его лишь до поры до времени. Единственный вопрос заключался в том, как долго тело раненого Плакальщика, даже с учётом обилия искусственных желез и улучшений Адептус Астартес, позволит ему сохранять боеготовность. Раметос предполагал, что в лучшем случае ещё один день. Слишком уж сильно его брат походил на ходячего мертвеца.

— Что с тобой случилось? — спросил он у Дагана.

— История довольно простая.

— Наш враг тоже довольно прост.

— Верно. — Даган неопределённо указал в сторону темноты впереди. — Твой прайм натравил на нас врагов, и они обрушились самой настоящей лавиной. Моё отделение оказывало поддержку «Хищнику», выжигая гаунтов в подземном переходе. Нас буквально смели. Ты можешь убить тысячу этих тварей, и десять тысяч явятся вместо них. Единственный стоящий ответ на это заражение — иссечение^[5] посредством бомбардировки.

Раметос мрачно кивнул.

— Её время придёт.

— Не скоро. — Даган кивнул в сторону увесистой снайперской винтовки, висевшей за спиной Раметоса.

— Ты говорил, что пытался убить его? Прайма?

— Пытался. Мне не удалось чётко определить, где проходит линия фронта, и я угодил в засаду.

— Воинов?

Раметос покачал головой.

— Гаунтов. Троих.

— В больших количествах они смертельно опасны.

— Это точно. Но прайм — единственное, что меня заботит.

Даган выдержал паузу, распознав торжественный тон в голосе своего боевого брата.

— Ты дал обет.

Раметос кивнул.

Внезапно Даган остановился, и снайпер последовал его примеру.

— В чём дело? Нам нужно продолжать движение.

— Я бы хотел присоединиться к тебе в этом обете.

Раметос молчал. Его клятва казалась ему очень личной, своего рода моментом поклонения, рождённым из глубокой любви к своим братьям и своему ордену, невероятной скорби в отношении Бадабской ереси, а также глубокой, неугасимой ненависти к их непримиримому инопланетному врагу. И всё же с его стороны было бы бесчестно отказать Дагану в его просьбе, не говоря уже о глупости подобного решения с точки зрения тактики. И если обвинение в бесчестии он вполне смог бы пережить, то сражение с праймом в одиночку — едва ли.

Раметос положил руку на плечо брата по оружию.

— Да будет так, — тихо произнёс он.

— Тебе нужно слышать, как я произнесу слова клятвы?

Раметос огляделся, проверил время и мотнул головой, глядя в небеса.

— До рассвета осталось полчаса. Присоединяйся ко мне в Плаче. Этого будет вполне достаточно.

Они потратили неполные пятнадцать минут на Плач, период ритуальных размышлений, обычно проводившихся под надзором одного из членов Жречества^[6] Каликса^[7]. Во время боевых операций от такой медитации обычно отказывались с разрешения магистра Фороса^[8], но с учётом того, что Раметос и Даган, скорее всего, умрут в этот день, подобное казалось вполне уместным послаблением правил.

Когда взошло солнце, на город обрушился очередной ливень кислотных осадков, который очистил воздух от спор и ядовитых испарений. Всю ночь братья двигались гораздо быстрее, чем ожидал Раметос, однако теперь Даган ощутимо замедлился. Невзирая на все усилия физиологии Адептус Астартес, его рана не переставала гноиться. Благодаря одной лишь силе воли заступник сумел продержаться в пути целый день. Однако реальность подсказывала, что он, скорее всего, умрёт в течение следующих двух или трёх часов.

Плакальщики вышли в город-спутник Паллады. Рой в полном составе переместился именно сюда. Раметос мог видеть их на расстоянии десяти миль. Там располагалась артиллерийская линия ксеносов-биоворов, посылавших огромные сгустки спор, словно снаряды, в направлении далёкого плацдарма Астра Милитарум. Представлялось очевидным, что прайм готовился уничтожить последнюю значительную человеческую армию на континенте.

— Каков твой план? — поинтересовался Даган, его горло издавало хрипящие звуки.

— Мне нужно отвлечь орду — или, по крайней мере, сильнейшую её часть. У меня остался один снаряд. «Палач», так что он самонаводящийся. Проблема в перекрывающих цель биоформах. При попадании в

голову он прикончит прайма. Сильнее всего меня беспокоит, что он поразит низшее существо.

— Что ж, в везении тебе не откажешь, — пошутил Даган.

— Нам, Плакальщикам, его досталось не то, чтобы в избытке.

Довольный шуткой товарища, Даган хмыкнул.

— Кстати, а о каком таком везении ты толкуешь?

— О моей специализации. Заступничестве. — Он указал на место, где совсем недавно развернулось ещё одно сражение. Там трое Белых Пантер погибли в результате психической атаки зоантропа, хотя в процессе боя им удалось прикончить монстра. Подобные маленькие виньетки^[9] с братьями, окружёнными бесчисленными врагами, стали привычным явлением как в Палладе, так и в других зонах боевых действий на Рафаэле.

— Я возьму с собой столько крак-гранат и боеприпасов, сколько смогу унести. Выполню отвлекающий манёвр. Я могу создать впечатление, будто я — один из многих.

— Благородная жертва, — восхитился Раметос.

— Стратегическая необходимость, — поправил его Даган. — Чем дольше живёт этот прайм, тем больше он узнаёт о нашей тактике, да и о тактике Белых Пантер тоже. Подобное может быть благом лишь для нашего врага, и злом — для Имперiums.

Раметос кивнул.

— Согласен. Одна из множества причин убить его, и как можно скорее. — Он воспользовался моментом, чтобы оценить окружающую их территорию, а также атмосферные условия. — Я могу выстрелить с расстояния не более двух миль. Тебе придётся подойти ближе, чтобы они тебя услышали и сочли угрозой.

— В таком случае, это будет одна миля. — Даган говорил практически шёпотом. Витавшие в воздухе токсичные споры глубоко забились ему в лёгкие, разлагая их изнутри.

Раметос сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Ну что ж, тогда вперёд. Давай исполним наш обет.

Они забрали боеприпасы и перевязи с крак-гранатами у Белых Пантер, потратив тридцать секунд на то, чтобы помолиться за своих павших товарищей, и снова двинулись в направлении врага. Раметос не знал названия этого города-спутника, но он не был крупным — во всяком случае, «крупным» по имперским меркам. В отличие от Паллады, это была обитель тёмного железа и готических шпилей, возникшая, вероятно, на несколько тысячелетий раньше бывшего мегаполиса.

Им пришлось идти окольным путём, чтобы избежать отставших от основной орды скоплений биоформ. Эти существа находились далеко за пределами зоны действия синапса, в связи с чем вели себя крайне причудливо: кусали самих себя за ноги, тупо ходили кругами, нападали друг на друга, словно дикие собаки. Время от времени кто-то пытался атаковать и двух Плакальщиков; они расправлялись с ксеносами ударами ножей, не желая стрелять и таким образом лишаться элемента неожиданности. Стремясь немного уравнять шансы в сложившейся ситуации, Раметос извлёк из своих подсумков

немного хамелеолиновой материи, которая обычно использовалась для ремонта повреждений его собственного плаща, и поделился ею с товарищем. Это нельзя было назвать идеальным решением, однако заступнику удалось достаточно «разбить» свой силуэт для постороннего взора. Кроме того, оба Плакальщика настолько сильно покрылись грязью, что жёлтый цвет их брони терялся под слоем чужацких останков.

— Здесь наши пути расходятся, — сказал Раметос, когда они остановились у мануфактурума, разодранного на части огромным инопланетным образованием. — Убрать с пути летающих тварей для меня важнее, чем любых других, так что найди место повыше — если получится, держись крыш. Ты должен сделать так, чтобы угроза казалась исходящей с воздуха.

— Понял, — прохрипел Даган. Его шлем был покрыт коркой гнилостной жидкости, выхаркиваемой из повреждённых лёгких, а рана на животе больше походила на последствия порчи Нургла, чем на результат работы ксеносов.

— Конец близок, брат, — сказал Раметос. — Вскоре ты сможешь отдохнуть.

— Точно, — ответил Даган. Он указал дрожащей рукой в сторону явно церковного сооружения на юго-западе. Это было впечатляющее, напоминающее собор здание из чёрно-белого мрамора. — Я займу позицию там.

— Удачный выбор, — отметил Раметос, кивнув товарищу.

Оба Плакальщика ненадолго застыли друг напротив друга.

— Пусть Сам Император направляет твою руку, — изрёк Даган.

Раметос сжал наплечник боевого брата, его щёки были мокрыми от слёз. Всепоглощающая меланхолия обрушилась на него с силой физического недуга.

— Пока мы не увидимся снова.

— До тех самых пор.

А затем Даган ушёл, направившись в сторону города. Большой отрез хамелеолина, прикреплённый товарищем к его силовому ранцу, кружился, колыхался и менял свой окрас, сливаясь с новым окружением.

Двигаясь незаметно и осторожно, Раметос выбрался на улицу. Его путь лежал по широкой, уходящей вверх дороге, заросшей чужацкими сорняками. Мост под ногами подпрыгивал и раскачивался. Несмотря на сравнительно небольшой вес космодесантника, опоры крошились, ржавели и медленно разваливались на части в хватке цепких наростов тиранидов.

Распад здесь был не столь явственным, как на севере, в Палладе. Впервые за долгое время Раметос увидел людей — живых людей, хотя со стороны они больше напоминали автоматов. Они медленно задыхались из-за переполненных спорами лёгких, чужеродная скверна струилась по их кровотокам, разрушая несчастных изнутри, словно радиация — своих жертв. Подобно упырям, они тупо стояли в дверных проёмах и окнах зданий. Раметос миновал человека, свалившегося за руль грузового автомобиля «Карго-8» и издавшего свой последний стон, полный невыносимой боли.

Как и Дагану, ему нужна была господствующая высота. Как только Раметос оказался на расстоянии чуть

больше двух миль от чужацкой орды, он решил подняться на вершину блока Администратума. Похоже, что ворвавшиеся внутрь здания во время последней атаки стаи потрошителей пронесли по нему настолько стремительно и яростно, что большинство работников даже не успели покинуть своих рабочих мест, будучи жестоко выпотрошенными мерзкими маленькими тварями. Многие из людей были обглоданы до самых костей, так что деятельность Империи на Рафаэле, данные о которой когитаторы продолжали радостно обрабатывать, курировала армия скелетов.

В конце концов снайпер достиг крыши. Кислотный дождь успел смыть наиболее опасные ядовитые газы, и он смог увидеть, как осколок роя собирается вокруг места, что когда-то было небольшим космопортом, а теперь превратилось в гигантский нерестовый бассейн.

Раметос улыбнулся с чувством мрачного удовлетворения. Его собратья-Плакальщики проделали отличную работу по обнаружению и уничтожению синаптических созданий, хотя ударному отряду и пришлось заплатить за это суровую цену. Среди огромного, отвратительного скопления биоформ должны были быть десятки, если не сотни, воинов, зоантропов и других лидеров. Вместо этого прайм взял на себя единоличное бремя командования, окружённый десятками тысяч гаунтов. С его огромных конечностей свисали изодранные крылья, напоминающие лоскуты содранной кожи.

К югу от космопорта гротескные исполинские биоворы продолжали выпускать казавшийся бесконечным поток споровых мин в направлении плацдарма Астра Милитарум. Раметос молился, чтобы враг стрелял хоть во что-нибудь, а не просто рефлекторно. Если им было, во что прицелиться, это означало одно — там всё ещё оставались выжившие люди. Возможно, ещё теплилась надежда. Возможно, всё это было не напрасно.

Он снял с плеча винтовку и прислонил её к крылу каменной горгульи, выглядевшей так, словно одно из тысяч крылатых существ вдали в мгновение ока обратилось в камень и было установлено здесь, а затем активировал оптику шлема, чтобы измерить дальность стрельбы и сделать поправку на ветер.

Но что-то было не так.

«Ну разумеется», — подумал Раметос. До чего же высокомерно было считать, что он один сумеет справиться с пятью тысячелетиями генетического недуга.

Он знал, что не сможет положиться на когитатор внутри самого «Палача». Учитывая всё произошедшее, Плакальщик давно уже предполагал, что будет стрелять без посторонней помощи, не переставая, впрочем, надеяться, что целостность боевой брони сохранится до самого окончания миссии. Но теперь его доспех разрушался так же, как и у брата Дагана, оказавшись не в силах противостоять ядовитой инопланетной плесени, кислотным дождям и наполнявшим воздух облакам токсичных спор.

Астартес раздражённо постучал по шлему. Оптика сбоила. Он понял, что ощущает вкус чего-то, чего-то крайне неприятного. Язык покрылся налётом грязи. Во рту и горле пересохло, когда фильтры в конце концов вышли из строя.

Плакальщик резко повернулся направо. Взрыв. В миле от себя он заметил ослепительную вспышку, когда Даган подорвал одну из крак-гранат. Он и в самом деле мог видеть ударную волну, когда сквозь облака спор прорвалась сфера истерзанного воздуха.

— Нет, — выдохнул Раметос. Он оказался не готов. Он не воспользовался ни Катехизисом Ненависти к чужаку, ни силой своей клятвы момента, имевшей ощутимый духовный вес. Будь у него время, он мог бы даже воспользоваться «Палачом»...

Вот только времени у него не было. Лишь мастерство и удача, здесь и сейчас. Мастерство и удача.

Раметос тщательно навёл выстрел на цель с помощью прицела снайперской винтовки. «Палачу» придётся столкнуться с рядом препятствий. Ему предстоял полёт в воздухе, насыщенном чужацкой скверной, над извилистым земным пейзажем, в мире, который вращался вокруг своей оси, приводя в движение атмосферу и порождая ветер — небольшой, но вполне достаточный, чтобы заставить призадуматься о точности выстрела. Сам по себе снаряд был крупным, толстым и тупым, разумеется, в процессе полёта воздух будет постоянно замедлять его. Стрелок предполагал, что с момента выстрела до поражения цели пройдёт не менее восьми секунд. Кроме того, сам по себе прайм тоже не был полностью неподвижен, пускай и находился на одном месте. Подобная задача стала бы достойным испытанием даже для ассасина-виндикара.

Он выровнял дыхание. Воздух сотряс ещё один взрыв, за которым последовала длинная очередь болтерной пальбы, просвистевшей и пронзившей небеса, словно поток трассеров.

Яростный рёв прайма с лёгкостью разнёсся на ближайшие пару миль. Тысячи горгулий устремились прямо к Дагану, на сей раз стрелявшему из гранатомёта, который ему где-то удалось подобрать.

Горгульи вопили, атакуя Плакальщика и дрожа от переполняющей их синаптической ярости.

— Пусть Ангел хранит тебя, кровь Сангвиния, — пробормотал Раметос.

Он вновь обратил взор на прайма. Небо было ясным. Командующую тварь окружало несколько летающих биоформ, несколько спор, похожих на порченые воздушные шары, а высоко над головой — строго говоря, на высоте многих и многих миль — меж рядами высотных облаков парили титанических размеров существа. Но теперь между праймом и стволом винтовки Раметоса ничего не было. Уже нет.

Раметос изменил свою цель. Он сместил фокус прицела на несколько ярдов выше и правее головы существа, хотя корректировка была столь далека от идеала, что цель вообще едва попадала в прицел. Он молился, чтобы его расчёты оказались верными.

А затем нажал на спусковой крючок.

Но ничего не произошло.

— Нееет! — взревел Раметос. Он в отчаянии бросил взгляд в ту сторону, где бился Даган. Заступник всё ещё продолжал стрелять из болт-винтовки и бросать гранаты, но горгульи уже практически его настигли. В лучшем случае у него оставалось ещё шестьдесят секунд. Что ещё хуже, одна из тварей отделилась от атакующей стаи и направилась к Раметосу. Видеть его она не могла. Возможно, её направляла синаптическая связь в рамках крупномасштабного исследования окружающих зданий. Как бы то ни было, если бы чужак его заметил, рой сплотился бы вокруг прайма, и все шансы Плакальщика на исполнение обета обратились бы во прах.

Он буквально ощущал, как его цель ускользает. Как и в прошлый раз, прайм готовился повести орду дальше на юг, туда, где располагался плацдарм армейских частей. Его голова была переполнена важной разведывательной информацией о тактике Плакальщиков и Белых Пантер, только и ожидавшей психической ассимиляции Разумом улья.

Одинокая горгуля продолжала приближаться. Сорок секунд. Раметос нырнул за бруствер и начал в ускоренном темпе разбирать свою снайперскую винтовку. Он ещё раз проверил снаряд «Палач». Окружающие условия были далеки от оптимальных: удушливые споровые и кислотные облака играли

злую шутку с механизмами винтовки, растворяя смазку и заклинивая компоненты. Плакальщик разобрал винтовку на части со скоростью, граничащей с яростью.

Натянув на голову хамелеолиновый капюшон, он осторожно выглянул из-за парапета. Горгулья приближалась стремительно. Могла ли она его почувствовать? Учуять запах? Она, конечно, не могла его видеть, вот только это ни черта не значило. Эти создания были хищниками, и подчинялись они тонко отточенным инстинктам.

Тридцать секунд.

Заклёпки в его оружии вышли из своих гнезд. Корпус треснул. Отдельные детали дребезжали. Вдалеке завизжала быстро сокращавшая дистанцию горгулья. Что-то в воздухе изменилось, нечто неосознаемое, едва уловимое.

«Сангвиний, молю тебя».

Двадцать секунд.

Его взгляд бегал по внутренностям оружия, лихорадочно выискивая проблему. Снаряд «Палач» вошёл нормально. Механизмы винтовки — те, которые он мог раскрыть, не разбирая её целиком — казалось, функционировали исправно. Затвор скользил плавно, смазка была там, где ей и место. Никаких посторонних предметов, заклинивающих оружие, никаких погнутых компонентов не было.

Он снова посмотрел в небо. Горгульи пикировали на Дагана. Они прикончат его за секунды. Некоторые из них уже повернули назад, осознав, что он всего лишь одинокий космодесантник, на которого нет смысла тратить сил всей крылатой части орды. Вскоре небеса вокруг законной добычи Раметоса будут наполнены сотнями препятствий. Одного лишь воздуха, вытесненного взмахами их крыльев, окажется вполне достаточно, чтобы сбить снаряд «Палач» на пути к цели, и это даже не говоря об их телах.

Отбившаяся от роя горгулья всё ещё приближалась к Раметосу. Её клыки были обнажены, телоточеч готов к стрельбе. Тварь оглушительно завизжала, на расстоянии в несколько сотен ярдов ошеломив Плакальщика мощью звуковой атаки.

Он нырнул обратно. Выровнял дыхание, сосредоточившись на компонентах оружия. В чём же проблема? В чём же кроется эта клятая проблема?

Раметос издал прерывистый вздох разочарования. Времени больше не оставалось. Он мастерски собрал оружие обратно, несколько раз проверил затвор, потянув его взад-вперёд, и большим пальцем загнал в оружие «Палача». Он не нуждался ни в чём, кроме удачи. Для представителя ордена Плакальщиков это было непростой задачей.

У него оставалось несколько секунд, но Раметос не мог выстрелить — сначала пришлось бы убить горгулью, а в случае её смерти, успеет ли она увидеть Плакальщика, на его голову обрушилась бы вся крылатая орда. Разум его метался в поисках ответа, но это был разум воина Адептуса Астарте, отточенный и обученный десятилетиями боёв и тысячелетиями генетической памяти. Он знал, что нужно делать, хотя его охватило чувство лихорадочной спешки. В мгновение ока отвлекающий манёвр Дагана обратится в ничто, и прайма вновь скроет его гнусная свита.

Плакальщик схватил лежащий рядом с собой обломок и швырнул его в обратную от себя сторону. Кусок каменной кладки, брошенный с силой болтерного заряда, врезался в дальнюю стену блока Администратума и взорвался облаком каменных осколков. Затем Раметос выхватил боевой нож и начал

ждать.

Две секунды спустя горгулья взвизгнула разящим копьём прямо над его головой. Раметос идеально рассчитал время: когда тварь прошла на волосок от макушки его шлема, он ударил боевым клинком вверх, пронзив грудную клетку ксеномерзости. Инерция движения существа сделала всё остальное: оно вскрыло само себя, даже не взглянув на своего убийцу, и выбросило кишки огромным комком, словно авиационную бомбу. Тело с распростёртыми крыльями продолжало двигаться, пока не врезалось мордой в стену и не сломало шею. Если бы прайм запустил свои ментальные щупальца в разум твари, словно руку в перчатку, даже он не увидел бы ничего — кроме, разумеется, того факта, что существо влетело в стену и разбилось.

Между тем Раметос уже встал и повернулся к своей добыче. Выхватил снайперскую винтовку и прицелился. Заблокировал сочленения своей брони. Сделал полувыдох.

Одна секунда.

Это должно было случиться, сейчас или никогда.

Он нажал на спусковой крючок во второй раз.

Винтовка не взорвалась у него в руках, но сразу же вышла из строя — где-то глубоко внутри выстрел нанёс необратимые повреждения её механизму. «Палач» улетел прочь, словно разъярённый шершень, пробивая себе путь в густом воздухе.

— Сангвиний, молю тебя, — прошептал Раметос. Он снял с винтовки оптический прицел и, прищурившись, проследил за последним полётом снаряда к цели. — Я оплакиваю своих братьев.

Ещё одна миля. Прайм сохранял неподвижность, всё его внимание оставалось сосредоточенным на великом разрушении, учинённом братом Даганом.

Раметос схватился за балюстраду перед собой.

— Я оплакиваю участь своего ордена, — вымолвил он.

Полмили. Благодаря продвинутой оптике шлема и собственной функциональной начинке «Палач» должен был без труда попасть в голову тираниды. Теперь он доверился одним лишь...

Мастерству и удаче.

— Я оплакиваю нашу ересь.

Позиция Дагана попросту испарилась, когда стопка боеприпасов и последняя перевязь с крак-гранатами были подорваны одновременно, испарив при этом несколько десятков горгулий.

— Я оплакиваю кровь Бадаба!

«Палач» вошёл прямо в правое глазное яблоко прайма и взорвался в самом центре его мозга. Боковая часть содержимого головы чудовища вылетела наружу громадным ливнем чужеродного серого вещества, кусочков черепа и осколков хитина. Тварь раскачивалась в течение казавшейся бесконечной секунды, после чего грузно рухнула во тьму нерестового озера, выпустив огромную волну гнилых околоплодных вод.

Эффект оказался мгновенным. Психическая ударная волна прошла сквозь окружающих гаунтов, столь

же всепоражающая и смертоносная, как и орбитальный удар. Безумие, глубокое и моментальное, поразило всю орду целиком. Они разрывали самих себя и друг друга в клочья. Они бежали во всех направлениях. Они визжали и кричали, расшибая головы в попытках протаранить стены, топились в собственных нерестилищах, отгрызали головы, конечности и хвосты своим сородичам, откусывали себе языки, выжигали друг дружке глаза кислотными брызгами. Даже Раметосу пришлось позаботиться о том, чтобы сохранить равновесие, когда мысленная ударная волна эхом пронеслась по эфиру.

Он покинул крышу блока Администратума и немедленно побежал в направлении позиции Дагана, отбросив любые попытки скрытности. Вдалеке он услышал, как орда рассеялась, издохла и поглотила сама себя. Он надеялся, что это изменит ситуацию. Ведь есть вероятность, притом немалая, что существа просто растворятся, переработаются и возродятся заново.

Раметос добрался до храма и пробился внутрь, его лёгкие пылали в чуждом воздухе. Сколько ему оставалось жить? Несколько дней? Или часов? Он смирился с собственной смертью, ибо такова судьба всех космических десантников, но это не мешало ему надеяться, что Рафаэла выживет. Он всей душой надеялся, что Император улыбнётся этому месту и избавит его от гнусной прожорливости тиранидов. В конце концов, иногда достаточно одного лишь выстрела, чтобы изменить ход войны.

Его броня «Фобос», как и он сам, всё-таки поддалась инопланетной среде. Сервоприводы издавали протестующий скрежет, бронепластины тёрлись друг о друга, силовой ранец работал на последнем издыхании. Каждый последующий энергетический сбой добавлял нагрузку на его мышцы, так что к тому моменту, как он пересёк амбулаторию^[10] и несколько часовен, а затем поднялся по ступенькам к тому месту, где, если он всё рассчитал правильно, свершил свой подвиг брат Даган, его собственный последний бой поставил астартес на грань физического истощения.

Там обнаружился выступ из разбитого и почерневшего камня, упавшего на улицу далеко внизу, словно обрушившаяся скала. Пластальная арматура и разорванные контрфорсы из тёмного железа торчали из фасада, а куски священного камня всё ещё светились тускло-красным оттенком там, где его заставили перегреться активированные крак-гранаты.

Доспехи Дагана были полностью обожжены, словно в момент гибели его приняли в Роту Смерти. Когти гаунта всё ещё торчали из его живота, на открытых участках кожи зияли бесчисленные свежие раны, до ухода из жизни ему оставались считанные минуты. Вокруг были разбросаны сотни стрелянных гильз, пустые подсумки и брошенное оружие.

— Ты справился, — выдал он, его горло обожгло от кипящего воздуха. Даган привалился к северной стене, и Раметос сел рядом с ним, двигаясь с медлительной, болезненной неловкостью одряхлевшего старика.

— Благодаря твоему заступничеству.

Даган хмыкнул.

— Такова моя специальность.

Несколько минут они лежали молча. Свет померк, облака разошлись, и Раметос посмотрел на звёзды. Даже без окончательно отказавшей оптики шлема его улучшенное зрение Адептус Астартес могло различить множество деталей, невидимых для обычных человеческих глаз. Там, на низкой орбите, небольшое скопление звёзд двигалось, размножалось, извергалось, мерцало и умирало всюду, где Имперский Космофлот очищал очаги ксеноскверны на низкой орбите. Сколько ещё времени и средств

они потратят на Рафаэлу? Если бы не её статус житницы вся субсектора, это место было бы «списано» имперскими логистами ещё несколько недель назад.

Далёкий грохот оказался шумом двигателей «Громовых ястребов». Когда небеса неожиданно прояснились, украшенные изображением кровотокащих сердец корабли начали проноситься по воздуху над Палладой и за её пределами, разыскивая уцелевших и обстреливая остатки вражеской орды тут и там.

Но даже это потрясающее зрелище не могло улучшить настроения Раметоса. Происходящее больше его не заботило. Его клятва была исполнена, его долг перед орденом и всем человечеством оплачен. Он мог умереть спокойно.

Раметос повернулся к Дагану, собираясь что-то сказать, но обгоревший космодесантник больше не двигался, его глаза стали стеклянными и пустыми. Раметос взял руку Дагана в свою собственную, щеки его были мокрыми от слёз.

— Твоё покаяние окончено, — тихим голосом произнёс он. — Ради тех, кто остался, мы понесём грехи и шрамы нашего ордена во имя твоё. Кровь Бадаба будет прощена.

Вдалеке снаряды «Сотрясатель» начали врезаться в южные окраины города.

— Вот почему я плачу.

1. Около 18 метров.
2. Ветеран-сержант 5-й роты ордена Плакальщиков, участник Бадабской войны, фигурирующий в книге «Имперская техника, том 9: Бадабская война: часть 1».
3. Строго говоря, Эридайнский Поток был вовсе не местом кровавого побоища между лоялистами и сторонниками Люгфта Гурона в годы Бадабской войны, а скорее удобным «укромным местечком» для некоторых из рейдовых соединений ордена Плакальщиков, поскольку астероидные поля этой тройной системы предоставляли весьма удобное убежище для не слишком крупных кораблей. Так, торговый рейдер «Регицид», за которым было закреплено отделение сержанта Вольтурно, принял участие в не менее чем 13 серьёзных операциях в окрестных системах, нанося болезненные удары по сторонникам Императора и бесследно исчезая среди естественных укрытий Эридайнского Потока.
4. В годы Коринфского крестового похода (698-705.M41) ордену Плакальщиков пришлось столкнуться с непростым испытанием, когда в ходе операции на Бойне III они наряду с порученным им уничтожением стратегически важных орочьих объектов решили освободить из плена зеленокожих сотни тысяч рабов, томившихся в подземных шахтах. Операция по спасению быстро превратилась в чудовищных масштабов сечу против превосходящих сил орков; Плакальщики изо всех сил стремились выиграть время для своих технадесантников, ремонтировавших повреждённые транспорты для эвакуации как можно большего количества людей. Беспрецедентное количество братьев стали жертвами Чёрной Ярости, само сражение пережили меньше сотни астарте; невзирая на все усилия и бессчётных убитых орков, Плакальщики спасли меньше десятой части рабов, в основном — женщин и детей. Тем не менее, уничтожение братьями ордена шахт и доков зеленокожих на Бойне III сильно ослабило боевую мощь орков и во многом способствовало успеху крестового похода, однако отпрыски Сангвиния отказались принять из рук командующего походом Марнея Калгара Железный Ореол, что многими недоброжелателями ордена было сочтено за оскорбление и способствовало укреплению мрачной репутации Плакальщиков и пересудов вокруг их ордена.
5. Даган использует медицинский термин, обозначающий хирургическую операцию по удалению новообразования на теле.
6. Жречество Каликса у Плакальщиков — аналог Сангвинарного жречества у Кровавых Ангелов и большинства их наследников. Работая в тесном взаимодействии с капелланами, жрецы Каликса играют ведущую роль в выживании отмеченного стигматами тяжких испытаний ордена

Плакальщиков, заботясь не только о физическом, но и духовном здоровье своих подопечных.

7. Каликс, или «калеж» (лат., в православной традиции используется слово «потир» — греч. «чаша, кубок») — особый ритуальный сосуд в христианском богослужении, изготовленный в виде чаши с длинной ножкой и широким, устойчивым основанием. Символизирует чашу, переданную Иисусом Христом своим ученикам на Тайной вечере, применяется для освящения причастного вина и в ходе принятия даров Святого Причастия.
8. Судьба магистра ордена Плакальщиков Малакима Фороса, давнего товарища и соратника Люгфта Гурона как в бытность его верным служителем Императора, так и в годы Бадабской войны, долгое время оставалась неопределённой: считалось, что он сгинул во время катастрофической битвы с Минотаврами близ Оптеры при уничтожении своей боевой баржи «Дочь бурь», однако ходили слухи, что он пережил гибель корабля и незримо парил среди обломков, пока его не нашли, после чего он присоединился к своим братьям в Искупительном крестовом походе.
9. Виньетка (в моделизме) — небольшая оформленная композиция из нескольких моделей, объединённых единым сюжетом. От диорамы отличается меньшими размерами и количеством «действующих лиц», уместным будет сравнение с отдельным снимком некоего эпизода.
10. Лечебница для приходящих больных, не имеющая, впрочем, стационара.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Слёзы_Рафаэлы_/_Tears_of_Raphaela_\(рассказ\)&oldid=25158](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Слёзы_Рафаэлы_/_Tears_of_Raphaela_(рассказ)&oldid=25158)

Эта страница в последний раз была отредактирована 25 мая 2024 в 21:26.